

О МОДАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРЕТЕРИТО-ПРЕЗЕНТНЫХ ГЛАГОЛОВ В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Н.С. Жукова, Т.Н. Бабакина

Аннотация: Рассматривается семантика претерито-презентных глаголов в древневерхненемецком языке; уточняются их модальные значения; определяется наметившаяся в системе языка тенденция к переходу функций выражения внутренней модальности от грамматических средств – наклонений к лексико-грамматическим средствам – претерито-презентным глаголам. Для объяснения этого процесса декатегоризации анализируются контексты, обуславливающие сдвиги в семантике глаголов, и выявляются механизмы развития соответствующих модальных значений.

Ключевые слова: внутренняя модальность; претерито-презентные глаголы; оптатив; императив; контекстное переосмысление; «связывающий» контекст; контекст «переключения».

Анализ лингвистической литературы, посвящённой проблемам модальности, показал, что в современном языкознании сложились два подхода к семантическому объёму категории модальности: широкий и узкий. В рамках широкого подхода категория модальности включает в себя не только отношение содержания высказывания к действительности и отношение говорящего к содержанию высказывания, но и целеустановку предложения, косвенность/некосвенность высказывания, утверждение/отрицание.

Авторы данной статьи придерживаются узкого понимания модальности, в соответствии с которым целеустановка предложения и значения утверждения/отрицания не являются модальными значениями. В отечественной лингвистике данный подход наиболее убедительно представлен в работах Т.П. Ломтева [1]. При определении состава модальных значений он исходит из принципа их непересекаемости и выводит за рамки модальных отношений вопрос и ответ, утверждение и отрицание [1. С. 91]. На таких же позициях стоят и другие отечественные лингвисты [2–4]. Значения косвенности/некосвенности высказывания основываются на признаке вида речи и также не относятся к модальным значениям. Обоснование этой точки зрения можно найти в работе [5].

Применительно к германским языкам вышеуказанная концепция представлена в работах Л.С. Ермолаевой. В рамках единой категории модальности она разграничивает внутреннюю, объективную внешнюю и субъективную внешнюю модальности. Под внутренней модальностью понимается отношение субъекта (реже объекта) действия к совершаемому им действию (для объекта – отношение к действию, которому он подвергается). Основным средством выражения внутренней модальности в современных германских языках являются модальные глаголы. Под внешней модальностью предложения понимается отношение его содержания к

действительности в плане реальности/нереальности (объективная внешняя модальность) и степень уверенности говорящего в сообщаемых им фактах (субъективная внешняя модальность). Основным средством выражения объективной внешней модальности в современных германских языках являются наклонения, основным средством выражения субъективной внешней модальности – модальные слова [6. С. 68–69].

Представленное разграничение видов модальности и четкое закрепление каждого из них за соответствующими средствами выражения, что имеет место в современном немецком языке, не всегда были характерны для немецкого языка, а складывались в процессе его исторического развития.

Отмеченная дифференциация модальной семантики на внутреннюю и внешнюю (субъективную и объективную) не имела места в древневерхненемецком языке. В его системе не было ни модальных слов, ни модальных глаголов; единственным средством выражения модальности являлись наклонения. Категория наклонения была представлена индикативом, оптативом и императивом [6]. Императив выражал приказ, повеление, просьбу; оптатив использовался для обозначения возможности, необходимости, желания, т.е. формы данных наклонений употреблялись в основном для выражения внутренней модальности. Однако в модальной функции в древневерхненемецком языке могли выступать (как будет показано ниже) претерито-презентные глаголы [7].

Анализ письменных памятников древневерхненемецкого периода показал, что некоторые претерито-презентные глаголы и глагол *wellen* использовались для выражения значений внутренней модальности.

Для выявления доминирующих значений претерито-презентных глаголов были вычислены процентные соотношения значений, выражаемых данными глаголами. Для этого использовалось выборочное наблюдение, при котором исследуется не вся генеральная совокупность (весь объём текстов анализируемых периодов), а определённая часть – выборка. Исследования выборки позволяют сделать заключения относительно всей генеральной совокупности [8. С. 12, 23]. Вычисление процентных соотношений различных значений, свойственных претерито-презентным глаголам в модальной функции в древневерхненемецком языке, производилось на средних выборках объёмом в 100 текстовых реализаций каждого глагола. Выборка была сформирована методом сплошного отбора. Меньший объём выборки для отдельных глаголов обусловлен отсутствием данных глаголов в текстах анализируемого периода.

При анализе значений претерито-презентных глаголов учитывалась также частотность их употребления в том или ином значении. Абсолютная частотность представляет собой количество реализаций глагола в анализируемом тексте, относительная частотность есть отношение абсолютной частотности к числу единиц в изученном массиве [8. С. 10].

Использование претерито-презентных глаголов для выражения модальных значений, несвойственных им в системе древневерхненемецкого

языка, свидетельствует о происходящем в их семантике сдвиге, обусловленном употреблением данных глаголов в благоприятном контексте. Под контекстом авторы статьи понимают «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [9. С. 238].

Контекст играет ведущую роль в развитии новых значений лексических единиц. По мнению Б. Хайне, именно благоприятный контекст является условием появления нового семантического смысла, новых значений языковых единиц. «Контекстное переосмысление заключается в том, что в определённом контексте второстепенное значение лексической единицы выходит на первый план и развивается в новое ядерное значение» [10. С. 65]. Подобное контекстное переосмысление (context-induced reinterpretation) является, с точки зрения Б. Хайне, одним из механизмов процесса грамматикализации. Однако, как показывает языковой материал, контекстное переосмысление имеет место не только в случае грамматикализации лексических единиц, а представляет собой механизм, общий для различных семантических изменений, к которым в том числе относится грамматикализация. (Ср. точку зрения о том, что особые механизмы семантических изменений, характерные только для процесса грамматикализации, отсутствуют [11. С. 400–401; 12. С. 19].) В связи с этим представляется целесообразным применение теории контекстного переосмысления Б. Хайне для объяснения изменений в семантике претерито-презентных глаголов, которые выступают в древневерхненемецком языке в модальной функции.

Контекстное переосмысление в соответствии с теорией Б. Хайне происходит поэтапно. На первом этапе лексема употребляется в своём основном, исходном значении в самом широком круге контекстов. На втором этапе она используется в специфичном, так называемом связывающем контексте (bridging context) по терминологии Б. Хайне. В «связывающем» контексте значение лексической единицы может интерпретироваться и как её основное, и как её новое, нетипичное значение. На третьем этапе, в «контексте переключения» (switch context), лексема выступает исключительно в своём новом, так называемом ядерном значении, которое она приобретает в результате контекстного переосмысления и которое получает статус самостоятельного значения [13. С. 94–95].

Одним из наиболее частотных претерито-презентных глаголов в древневерхненемецких памятниках является глагол *magan/mugan*. Относительная текстовая частотность данного глагола равна 4,42.

Как полнозначный глагол *magan/mugan* употреблялся очень редко. В исследованном материале лишь в одном случае он встречается в качестве самостоятельного глагола и выражает значение «годиться»: *ir birut salz erda. Oba thaz salz áritalet, in hiu selzit man iz thanne? Zi niouuihtu mag iz úzuuerphe, inti si fúrtretan fon mannun.* – Т. 24, 1–3 – «...вы – соль земли.

Если же соль теряет силу (солёность), то чем посолить её? Ни для чего уже больше **негодна**, как только для того, чтобы быть выброшенной и растоптанной людьми.'

В остальных случаях *tagan/migan* употреблялся в функции модального глагола и в большинстве случаев выражал различные оттенки возможности. В 46% случаев данный глагол выражал возможность, обусловленную внутренними качествами субъекта:

– физической возможностью: *Seni tho uuib thi u ...uuas nidargineigit ...ni mohta úfscouion*. – Т. 103, 1 – 'Там женщина, которая ...была скорчена ...не **могла** поднять взор.'; *joh wer thir dáti thia máht, thaz thú so scono séhan maht!* – О. III, 20, 44 – 'И кто дал тебе эту силу, что ты так хорошо **можешь** видеть!'; *So wer so dáges gengit, giwísson er ni firspírnit, want ér sih mit then óugon fórna mag biscówon* – О. III, 23, 35–36 – 'Кто ходит днём, конечно, не споткнётся, потому что он **может** глазами смотреть вперёд';

– наличием у субъекта определённой способности, умения: *thú ni maht ein hár thes fahses uuizaz gituon odo suarz*. – Т. 30, 4 – 'Ты не **можешь** ни одного волоса сделать белым или чёрным.'; *sélbo maht thu iz lésan thar...* – О. II, 3, 4 – 'Ты сам это **можешь** прочитать...'; *Tén námen hábet iz fóne dero snélli uuánda imo níoman indrinnen nemág*. – N. B. III. 176, 23 – 'Имя он имеет из-за большой скорости, потому что никто не **может** от него убежать';

– наличием у действующего лица нравственной, моральной силы или способности: *Ther mugí bifahan, bifahe*. – Т. 100, 6 – 'Кто **может** вместить – вмести (пойми).'

Как показал анализ примеров, в абсолютном большинстве случаев глагол *tagan/migan* употреблялся с одушевлённым субъектом. Однако в некоторых случаях анализируемый глагол встречается в предложениях с неодушевлённым субъектом. Ср.: *ni mag giséhan ira muat, thaz imo fiant giduat*. – О. III, 1, 38 – 'Её душа не **могла** смотреть на то, что причиняет ему враг.'

Употребление глагола *tagan/migan* с неодушевлённым субъектом можно рассматривать как расширение круга контекстов, в которых может употребляться данный глагол. Увеличение количества контекстов является первым этапом в процессе семантического развития данной лексики. В подобных примерах происходит метафорический перенос на неодушевлённый субъект способностей, присущих живым существам. Метафорический перенос является, по мнению многих лингвистов, одним из основных механизмов семантического изменения [10, 11, 14]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что «...метафора знаменует собой лишь начало мыслительного процесса... она орудие... дав толчок семантическому процессу, метафора постепенно стирается...» [15. С. 15].

Глаголом *tagan/migan* в древневерхненемецкий период могла быть выражена возможность, обусловленная внешними обстоятельствами.

В результате анализа было выявлено 23 случая употребления глагола *magan/migan* в данном значении, что составляет 23%. Ср.: *Her thó uzganganti bigonda predigon inti maren thaz uuort, só thaz her ni mohta giu ougazorhto gan in thie burg...* – Т. 46, 5 – ‘Он (прокажённый), выйдя, начал проповедовать и рассказывать о происшедшем, так что он (Иисус) не мог уже явно войти в город...’; *mag er lérnen ubar ál, wio er gilóuben scal.* – О. I, 26, 6 – ‘Здесь он может научиться, как он должен верить.’; *Ni mag thiú wórolt haben in íu theheinan ház.* – О. III, 15, 29 – ‘Не может мир ненавидеть вас (контекст – так как вы не говорите о его недостатках).’; *ih nemáhta sia bechénnen uuánda mir daz óuga tímbereta fóllez tráno.* – N. B. I, 14, 12–13 – ‘Я не мог её узнать, потому что мои глаза дрожали, полные слёз.’

Глагол *magan/migan* в 20% случаев употреблялся для обозначения таких оттенков возможности, как «сметь, иметь право»: *uuer mág furlazan sunta noba ein got?* – Т. 54, 5 – ‘Кто может (имеет право) прощать грехи, кроме бога?’ Так как в данном значении глагол часто употреблялся в отрицательных оборотах, то предложение приобретало характер запрета. Ср.: *tíe habetón díá selbún éa. áne daz sie nieht nemahtón ferre suffragia.* – N. B. III, 163, 6 – ‘Те имели тот же закон, без которого они не могли более голосовать (не имели права)...’; *inti thie thar ni inphahit sin cruci inti folget mir, ...noh ni mag uiesan mín iungiro.* – Т. 44, 24 – ‘И тот, кто не несёт креста своего и следует за мной, ...не может (не имеет права) быть моим учеником.’

В 10 случаях употребления, что составляет соответственно 10%, глагол *magan/migan* выражал сомнение: *fón Nazareth mág sihuuaz guotes uiesan?* – Т. 17, 3 – ‘Может ли (разве может) быть что-то доброе из Назарета?’; *vnuo mag thaz sín? uuanta ih gommannes uuís ni bim.* – Т. 3, 6 – ‘Как же это может быть? если я мужа не знаю.’; *mag ío thaz wesap wár?* – О. VII, 46 – ‘Может ли это быть правдой?’

Глагол *wellen* выступает в древневерхненемецкий период в функции модального и относится к высокочастотным глаголам, его относительная текстовая частотность составляет 4,237.

Анализ глагола *wellen* показал, что в 85% случаев (т.е. в 85 предложениях) он выражает волеизъявление, желание в конструкции с инфинитивом другого глагола: *Uuaz uuollet ir mir geban?* – Т. 154, 1 – ‘Что вы хотите дать мне?’; *Her uuolta thó rehtfestígôn sih selbon, quad...* – Т. 128, 6 – ‘Так как он хотел себя оправдать, сказал...’. Наряду с употреблением в качестве модального глагола в древневерхненемецком языке в 15% случаев глагол *wellen* употребляется как самостоятельный глагол. Ср.: *úuili miltida, nalles bluostar.* – Т. 56, 4 – ‘я хочу милосердия, не жертв.’; *uuaz uuollet ir thaz ih íu tue?* – Т. 115, 2 – ‘Что вы хотите, чтобы я для вас сделал?’

Особенность глагола *wellen* состоит в том, что сложно отделить случаи, в которых он употребляется как самостоятельный глагол, от тех, в которых он выступает как модальный с опущенным инфинитивом (т.е. имеет место «связующий контекст»). Значения, выражаемые данным гла-

голом в обоих случаях, очень близки. Ср.: *thruhtîn, oba thû uuili, thû maht mih gesûbiren*. – Т. 46, 2 – ‘Господи, если ты **хочешь** (очистить), ты можешь меня очистить.’

К концу анализируемого периода в переводах Ноткера употребление глагола *wellen* в качестве полнозначного не выявлено.

Глагол *sculan* является в древневерхненемецком языке третьим по частотности претерито-презентным глаголом, выступающим в функции модального. В течение древневерхненемецкого периода относительная текстовая частотность данного глагола значительно увеличивается: в текстах «Татиана» она составляет 0,348; в тексте Отфрида – 3,5; в переводе Ноткера – 3,606.

Анализ 100 текстовых реализаций глагола *sculan* показал, что данный глагол, как и большинство других претерито-презентных глаголов, употреблялся на ранних этапах древневерхненемецкого периода и как полнозначный, и как модальный глагол.

В качестве полнозначного он встречается в 8 предложениях, что составляет 8%, в значении «задолжать» и «быть виновным». Ср.: *...braht uuard imo ein, ther scolta zehen thusunta talentono* (прямое дополнение, без инфинитива). – Т. 99, 1 – ‘...приведён к нему был некто, который **должен был** десять тысяч талантов.’; *uiuo filu scalttu mineto herren?* – Т. 108, 3 – ‘Сколько **ты должен** моему господину?’; *...therde suerit in gold temples scal*. – Т. 141, 14 – ‘...кто клянётся золотом храма, тот **повинен** (виновен).’ В качестве самостоятельного глагола *sculan* зафиксирован только в «Татиане». В более поздних текстах древневерхненемецкого периода данный глагол в функции самостоятельного не встречается.

Довольно часто *sculan* употребляется в функции модального глагола для выражения долженствования, необходимости. В 35% случаев он выражает необходимость, обусловленную повелением другого лица: *Ob ih vvuosc iuuere fuozzi herro inti meistar, inti ir sulut ander anderes fuozzi uiasgan*. – Т. 156, 2 – ‘Если я, ваш Господин, мыл вам ноги, то и вы **должны** мыть друг другу ноги’; *Lért er sie mit wórtón, wio thaz firdrágan scoltun*. – О. IV. 15, 43 – ‘Он своими словами обучал её, как она **должна** это переносить.’

Данный глагол может выражать также приказ, например, *ir sculut spréchan thaz mín, sús scal io ther náto sin*. – О. I, 9, 18 – ‘Вы **должны** говорить по-моему, таким **должно** быть это имя’; *...ther scal sprechan thanana er ist*. – О. II, 13, 19 – ‘...тот **пусть скажет** (должен сказать) откуда он.’ или более мягкое побуждение к действию: *...thes scal er gote thankon*. – О. I, 25 – ‘...**пусть благодарит** за это бога.’; *...thes scúlut ir io gihúggen*. – О. II, 23, 8 – ‘...вы **должны** об этом помнить.’

В форме 1-го лица множественного числа глагол *sculan* мог выражать приглашение к совместному действию: *...thes scúlun wir góte thankon*. – О. L. 30 – ‘...**возблагодарим** за это бога.’; *Nu scúlun wir unsih*

rigilon mit thes krúces ségonon. – O. V. 2, 1 – ‘Защитимся же благословением креста.’

При выражении побуждения к действию глагол *sculan* выступал синонимом императива. Наиболее показателен следующий пример, в котором конструкция с глаголом *sculan* употребляется в одном предложении с императивом: *Thu scalt thih heffen filu frua, fliuh in antheraz lant... – O. I, 19, 3–4 – ‘Ты должен рано встать (встань рано), беги в другую страну...’.*

В 11% случаев *sculan* употребляется для обозначения необходимости, обусловленной внешними обстоятельствами, или неизбежной необходимостью: *Uuánda uuir daz énde geuuárráchtôn gûot uuésen pediu súlen uuir iéhen gûot uuésen állero dingo énde. – N. B. III, 171, 1 – ‘Так как мы пришли к выводу, что конец хороший, то мы должны признать, что конец любого дела хороший’; So disiu einunga zegât, ...so sol animal nôte zegân. – N. B. III, 216, 5 – ‘Если это единение разлагается, ...то и живое существо по необходимости должно разложиться.’*

В 10% случаев, т.е. в 10 из 100 проанализированных примеров, *sculan* выражает обязательность действия, обусловленную нормами, принятыми в данном коллективе: *...uuir habemes euua, inti after euu sal her sterban, uuanta her sih gotes sun teta. – T. 197, 6 – ‘...у нас есть закон и по закону он должен умереть, потому что он соделался сыном бога.’; er scal irstérban thuruh nôt, so wízod unser zéinot. – O. IV, 23, 23 – ‘Он должен умереть, так гласит наш закон’; Tho sprach er érlichô ubar ál, so man zi frówwun scal. – O. I, 5, 13 – ‘Он говорил почтительно, как нужно разговаривать с женщиной.’; Christus ist ter uueg an demo mannoilih kân sol. – N. Ps. I. c. 7, 13 – ‘Христос – тот нуть, по которому должен идти каждый.’*

Случаи употребления глагола *sculan* в значении необходимости представляют собой примеры контекстов переключения, в которых первоначальное значение «задолжать» уже невозможно. Употребление глагола *sculan* в связывающем контексте выявлено не было.

Иногда анализируемый глагол встречался в значении необходимости, обусловленной не внешними обстоятельствами, а внутренней потребностью субъекта. В текстах древневерхненемецкого периода было выявлено 4 случая употребления глагола *sculan* в данном значении, что составляет 4%. Ср.: *wir scúlan nan irwéken, fon themo sláfe irréken. – O. III, 23, 44 – ‘Мы должны разбудить его, вывести из сна.’; Ih scal thir ságen, min kînd... – O. II, 8, 13 – ‘Я должен тебе сказать, моё дитя...’.*

В редких случаях (в 4%) данный глагол, как и глагол *magan/mugan*, мог выражать оттенки сомнения: *...scal iz Krist sin. – O. II. 14, 89 – ‘...должно быть, это Христос (не Христос ли это).’; ...ni ther fon góte sculi sín. – O. III. 20, 149 – ‘...он, должно быть, от бога.’; Uuîo sól dâr sín daz effectum dâr diu efficientia neíst? – N. B. III, c. 179, 4–5 – ‘Разве должен (может) быть результат там, где нет действия?’*

При анализе древневерхненемецких текстов были зафиксированы два примера, в которых глагол *sculan* употреблялся для выражения раз-

решения со стороны другого лица. Ср.: *Thaz then thie dúri sin bidán, thie tharín ni sculun gán.* – О. III, 12, 39 – ‘Для того, чтобы двери были закрыты для тех, кто **не имеет права (кому не разрешено)** войти туда.’; ...*úbe man cesari zins keben solti.* – N. Ps. III. с. 942, 2 – ‘...**позвоительно (разрешается ли)** ли давать подать кесарю.’

Глагол **tuozan* не встречается в тексте «Татиана» ни в функции полнозначного, ни в функции модального глагола. Он появляется в модальной функции в текстах Отфрида и Ноткера, т.е. в середине древневерхненемецкого периода. Относительная текстовая частотность данного глагола довольно низкая и составляет в текстах Отфрида – 0,65, Ноткера – 0,879.

Анализ процентных соотношений значений данного глагола проводился на материале 68 текстовых реализаций, которые были выявлены в текстах древневерхненемецкого периода.

Как показал анализ материала, глагол **tuozan* в древневерхнемецкой период имел очень широкий спектр значений. В 30% случаев (20 примеров) глагол **tuozan* употреблялся в значении «сметь», «иметь право» или выражал разрешение со стороны третьего лица: *Giang er selbo ingegin uz thar zi thempo palinzhus, sie ni muasun gan so fram zi thempo heidinen man, thaz sie in then gizitin biuuollane ni uirtin.* – О. IV. 20, 4 – ‘Он сам пошёл навстречу им ко двору, они **не могли** (не смели, не имели права) подходить к язычнику, чтобы не загрязниться в дни праздника.’; *Sie wúnshtun, muasin rínan thoh sinan trádon einan in sínen giwátin.* – О. III, 9, 9 – ‘Они хотели, чтобы им **было позволено** прикоснуться хотя бы к краю его одежды.’; *Ira férah bot thaz wib, thaz iz múasi haben lib.* – О. I. 20, 19 – ‘Женщина предложила свою жизнь, чтобы он (ребёнок) **мог** остаться в живых.’

В результате анализа было выявлено 18 случаев употребления данного глагола для выражения необходимости, обусловленной внешними обстоятельствами, что составляет приблизительно 27%. Ср.: *Uuile du in ambahte skínen? Sô muost tu flehôn den gebenten.* – N. B. III, с.175, 3 – ‘Хочешь ли сиять в служении? Тогда ты **должен** умолять дающего.’; *Úbe dânnne héiz chümet tér uuólchenônto súnt-uúint sô mûozen die blüomen rísen ába díen dórnen.* – N. B. I. 67, 2 – ‘Если придёт горячий приносящий облака южный ветер, то цветы **должны** отпасть от шишпов.’

Приблизительно в 13% случаев (9 примеров) **tuozan* употреблялся для выражения возможности, обусловленной внешними обстоятельствами: *Ioh uuarun uuir gispannan, mit seru bifangan, mit ubilu gibuntan, ni muasun unser uualtan.* – О. IV. 5, 14 – ‘Мы были связаны, полонены бедами, связаны несчастьями, **не могли** управлять собой.’; ...*al bi thinen mahtin joh hohen éregrehtin; Thes múazin niazan íamer joh midan súntino sér, fréwen in girihti in thineru gisihti!* – О. IV, 1, 52–54 – ‘...только благодаря твоему могуществу и благосклонности, мы **можем** наслаждаться лицеизрением тебя на суде!’; *Úbe áber die líde geskéidene únde zelégete demo líchamen dáz penément táz er éin nemûoz sîn sô zegât táz er uuás.* – N. B. III. С. 216, 12–

14 – ‘Но если разрушающие и разлагающие члены забирают это у тела, так что оно **не может** быть единым, то гибнет то, чем оно было.’

При анализе текстов древневерхненемецкого периода было выявлено 7 примеров (10%), в которых глагол *tiuozan выражал пожелание. Ср.: *Joh wir thar **múazîn** untar in blîde fora góte sin.* – О. I. 28, 19–20 – ‘**Да будем** и мы среди них радостны перед господом.’; *Er spénit unsih álle zi mîchilemo fálle in wórtón joh in wérkon; thaz **múazîn** wir biwánkon.* – О. II. 4, 88–89 – ‘Он принуждает нас всех к большому падению на словах и на деле; **да избежем** мы этого.’; *fon gót er **múazi** haben mînt joh wesan lángo gisunt.* – О. L. 32 – ‘**Да получат** он защиту от господа и будет долго здоров.’ В данных примерах глагол *tiuozan выступает в функции, свойственной оптативу.

В 7 случаях (10%) *tiuozan выражает необходимость, обусловленную указанием другого лица: *Taz sumtum **mûost** tu légen chád si.* – N. B. II. 208, 8–9 – ‘Корзину ты **должен** положить, сказала она.’

В 10% случаев употребления, т.е. в 7 предложениях, анализируемый глагол выражает объективную необходимость: *Ter hîmel **mûoz** hértôn gében liúhtige tága únde únstere náhte.* – N. B. I. 67–68, 1 – ‘Небо **должно** давать смену светлых дней и тёмных ночей’; *Ter mere **mûoz** óuh stille sîn.* – N. B. I. 68, 8 – ‘Море тоже **должно** быть спокойным.’; *Taz iâr **mûoz** hértôn.* – N. B. I. 68, 4 – ‘Год **должен** сменяться.’ В данных примерах глагол *tiuozan употребляется с неодушевлённым субъектом, в функции субъекта выступают природные явления. По мнению А.А. Уфимцевой [16. С. 108], лексемы, обозначающие явления природы, находятся на границе конкретной и абстрактной лексики. Следовательно, употребление с данными лексемами свидетельствует об увеличении круга контекстов глагола *tiuozan и о семантическом сдвиге в сторону абстрактного значения объективной необходимости.

Глагол *thurfan* в древневерхненемецкий период обнаруживает очень низкую текстовую частотность – 0,302. Исследование его семантики проводилось на материале 34 текстовых реализаций данного глагола, выявленных в памятниках древневерхненемецкого периода.

Анализ текстового материала показал, что в 8 предложениях, т.е. в 24% случаев, глагол *thurfan* используется в качестве самостоятельного глагола. В тексте «Татиана» он употребляется с дополнением в родительном падеже и означает «нуждаться в чём-либо»: *Uuaz **thurfun** uuir noh ni urcundono?* – Т. 191, 1 – ‘На что ещё (**нужны**) нам свидетели? Как полнозначный глагол в текстах Отфрида *thurfan* употребляется в значении «нуждаться, терпеть нужду, страдать». Ср.: *Ir **ni** **thurffut** bi thiú, got irkenit in iu ér ir imo zellet, allaz, thaz ir uuollet.* – О. II, 21, 21 – ‘Вы **не терпите нужды** при этом, господь узнает всё, чего вам хочется, раньше, чем вы ему скажете.’

Глагол *thurfan* мог употребляться также с инфинитивом, выражая при этом уже не ограниченное, конкретное понятие «иметь нужду», а более ши-

рокое значение «иметь необходимость сделать что-либо». Ср.: *...ther man, ther githuuagan ist thie fuazi reino... ni tharf er unasgan mera.* – О. IV, 11, 38 – ‘Человек, у которого ноги чисто вымыты... **не имеет нужды (необходимости)** более мыть их.’ В данном примере имеет место связывающий контекст, который характеризует новый этап в семантическом развитии этого глагола и способствует развитию модального значения необходимости.

С помощью глагола *thurfan* в отрицательных оборотах могут быть выражены предписание, запрет. Анализ материала позволил выявить 15 случаев употребления глагола *thurfan* в данном значении, что составляет 44%. Ср.: *then uuweg man forahnten ni darf.* – О. IV, 5, 42 – ‘**Не следует** бояться этого нуми.’; *Ni thurfut ir biginnan, thaz ir ouh megit bringan, thaz ir góte thionot joh thoh thia wórolt minnot!* – О. II, 22, 3 – ‘**Не можете (не смеете)** вы пытаться служить богу и одновременно любить мирское!’; *Ni thurfithu thes wiht frágen.* – О. V, 20, 33 – ‘Ты **не должен** спрашивать об этом.’

В 10 случаях (29%) данный глагол обозначает обусловленную возможность. Ср.: *Ni tharf es ...lougnen, thin spracha scal thih óugen...* – О. IV, 18, 27 – ‘**Не можешь** этого отрицать ...твой язык выдаст тебя...’; *Tér námo déshálb níeht keméinet nedárf uuérden ze mári uuanda er ze éineto ándermo triffet.* – N. B. II, с. 170, 26 – ‘Имя потому **не может** быть названо, что оно принадлежит другому.’

Таким образом, глагол *thurfan* в начале древневерхненемецкого периода в переводе «Татиана» встречается ещё как самостоятельный глагол и употребляется без инфинитива другого глагола. С инфинитивом он выступает у Отфрида и употребляется только в отрицательных предложениях. В переводах Ноткера в конце древневерхненемецкого периода *thurfan* употребляется в функции модального глагола как в отрицательных, так и в утвердительных предложениях.

Глагол *kunpan* не засвидетельствован в текстах начала древневерхненемецкого периода. Он отсутствует в тексте «Татиана», а у Отфрида встречается всего в 5 случаях; в переводах Ноткера – в 8 случаях. Относительная текстовая частотность данного глагола в древневерхненемецкий период составляет 0,108. Анализ значений глагола *kunpan* проводился на материале 13 текстовых реализаций.

Как самостоятельный глагол в значении «знать», «понимать» *kunpan* употребляется у Отфрида и Ноткера начиная с середины древневерхненемецкого периода. Согласно результатам анализа в данном значении *kunpan* употребляется в 4 предложениях, т.е. приблизительно в 31% случаев: *Ouh in ál gizungi, in thiu thaz ih iz kúnni.* – О. I, 2, 42 – ‘И в каждом языке, в котором я это **понимаю**.’; *...uuio er thio buah konsti.* – О. III, 16, 7 – ‘...как он **знал** писание.’; *alle, die astronomiam chunnen...* – N. B. I, C. 122, 4 – ‘Все, кто **знает** астрономию...’

В таком же количестве случаев, т.е. в 4 (31%), глагол *kunnen* обозначает возможность, обусловленную наличием у субъекта определённых знаний. В этих примерах имеет место связывающий контекст, способст-

вующий развитию нового для данной лексемы значения – возможности. Подобные примеры можно рассматривать как переход от значения «знать, понимать» к значению «мочь». Ср.: ...*gúates er in ónda sós er wola kónnda*. – О. I, 27, 31 – ‘...он желал им добра насколько **мог/понимал**.’

В 5 случаях употребления, что составляет приблизительно 38% от общего числа проанализированных примеров, *kunnan* зафиксирован в функции модального глагола со значением «мочь, уметь», т.е. он может выступать синонимом глагола *magan/mugan*. Ср.: *Iz mag ouh in wara burdin dragen suara, mag scadon harto lidan ni kann inan bimidan*. – О. IV, 5, 10 – ‘Он может действительно носить тяжести, может выносить трудности, он не **может** их избежать (не умеет).’; ...*in ánder gizúngi firnéman iz ni kúnni*. – О. I. 1, 120 – ‘...на другом языке не **смог** бы это понять.’

Анализ памятников древневерхненемецкого периода показал, что в древневерхненемецком языке в модальной функции употреблялись следующие претерито-презентные глаголы: *magan/mugan*, *sculan*, **muozan*, *thurfan*, *kunnan*, а также глагол *wellen*. Разные претерито-презентные глаголы могли выражать одни и те же модальные значения:

– глаголы *sculan*, **muozan*, *thurfan* выражали различные оттенки необходимости;

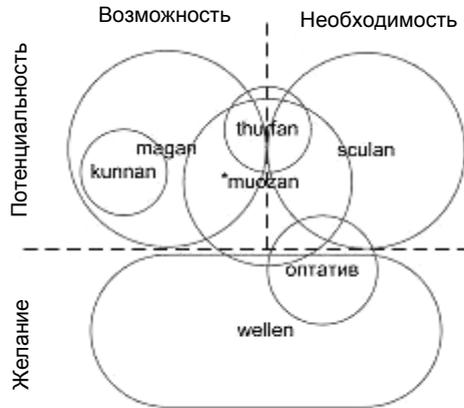
– глаголы *magan/mugan*, **muozan*, *kunnan*, *thurfan* – значение возможности.

Таким образом, проанализированные претерито-презентные глаголы не имели в системе древневерхненемецкого языка статус модальных глаголов со свойственными им семантическими, морфологическими и синтаксическими признаками (о критериях выделения модальных глаголов см. [17]), хотя могли выступать в функции выражения внутренней модальности.

Процесс преобразования претерито-презентных глаголов в модальные глаголы в древневерхненемецкой период находился на начальной стадии, о чем свидетельствуют, с одной стороны, отсутствие регулярности в употреблении данных глаголов в модальной функции, с другой – возможность выражения одного и того же модального значения различными лексемами (как показано выше). Подобная вариативность отражала на синхронном срезе изменения, происходившие в системе древневерхненемецкого языка в классе претерито-презентных глаголов.

В этой связи приведем положение К.С. Горбачевича [18] о том, что вариативность возникает на переходных этапах, в слабых звеньях перестраивающейся системы языка. Таким слабым звеном в перестраивающейся системе древневерхненемецкого языка наряду с классом претерито-презентных глаголов была категория наклонения, члены которой – императив и оптатив также выражали значения внутренней модальности. Это положение подтверждает приведенные выше примеры, в которых претерито-презентный глагол *sculan* выступает синонимом императиву при выражении побуждения к действию, а глаголы *muozan** и *wellen*, как и оптатив, употребляются для выражения желательности. Семантические

отношения между оптативом и претерито-презентными глаголами, выражавшими различные оттенки внутренней модальности в древневерхненемецком языке, можно представить схематически следующим образом:

Вариативность грамматических форм наклонений и претерито-презентных глаголов при выражении внутренней модальности свидетельствует о начавшемся в древневерхненемецком языке процессе передачи функций выражения данного вида модальности от оптатива к претерито-презентным глаголам.

Этот процесс представляет собой декатегоризацию, так как значения внутренней модальности начинают переходить от форм морфологической категории наклонения (грамматический уровень) к лексико-грамматическим средствам. Это обуславливает возможность большей детализации значений внутренней модальности, т.е. позволяет выразить более дифференцированно и конкретно разнообразные оттенки семантики внутренней модальности и тем самым в большей степени удовлетворить возрастающие в связи с развитием общества его коммуникативные потребности.

Литература

1. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972. 197 с.
2. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // Филологические науки. 1962. № 4. С. 65–79.
3. Трунова О.В. Природа и языковой статус категории модальности (на материале английского языка). Барнаул; Новосибирск, 1991. С. 129.
4. Шендельс Е.И. Отрицание как лингвистическое понятие // Избранные труды. М., 2006. С. 47–73.
5. Жукова Н.С. Категория вида речи и особенности её выражения в современном немецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (Филология). 2004. Вып. 1 (38). С. 45–51.
6. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987. 126 с.

7. *Birkmann T.* Präteritopräsentia. Morphologische Entwicklung einer Sonderklasse in den altgermanischen Sprachen. Tübingen: Niemeyer, 1987. 396 s.
8. *Носенко И.А.* Начала статистики для лингвистов. М., 1981. 157 с.
9. *Торсуева И.Г.* Контекст. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 238–239.
10. *Heine B., Clandi U., Hünnemeyer F.* Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 318 p.
11. *Sweetser E.E.* Grammaticalization and semantic bleaching // Proceedings of the 14th annual meeting of the Berkeley Linguistics Society: General session and parasession on grammaticalization. Berkeley: University of California, 1988. P. 389–405.
12. *Hopper P.J.* On some principles of grammaticalization // Approaches to grammaticalization / Ed. by E.C. Traugott, B. Heine. Amsterdam: John Benjamins, 1991. Vol. 1 (Typological studies in language: Vol. 19). P. 17–37.
13. *Heine B.* On the role of context in grammaticalization // New reflections on grammaticalization / Ed. by I. Wischer, G. Diewald. Amsterdam: John Benjamins, 2002 (Typological Studies in language; Vol. 49). P. 83–101.
14. *Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 398 p.
15. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990. С. 5–32.
16. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М., 1974. 206 с.
17. *Öhlschläger G.* Zur Syntax und Semantik der Modalverben des Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1989. 270 s.
18. *Горбачевич К.С.* Вариантность слов и языковая норма. На материале современного русского языка. Л., 1988. С. 285.

Источники и принятые сокращения

1. N.B. I / N.B. II. – Notker der Deutsche. Boethius de consolatione philosophiae I und II // Notkers des Deutschen Werke. Nach den Handschriften. Neu hrsg. von E.H. Sehrт und Taylor Strack. Bd. I. Heft I. Boethius de consolatione philosophiae I und II. Halle/Saale: Niemeyer, 1933. 136 s.
2. N.B. III. – Notker der Deutsche. Boethius de consolatione philosophiae III // Notkers des Deutschen Werke. Nach den Handschriften. Neu hrsg. von E.H. Sehrт und Taylor Strack. Bd. I. Heft II. Boethius de consolatione philosophiae III. Halle/Saale: Niemeyer, 1933. S. 137–244.
3. N. Ps. – Notker der Deutsche. Psalmus I – L // Notkers des Deutschen Werke. Nach den Handschriften. Neu hrsg. von E.H. Sehrт und Taylor Strack. Bd. III. Teil I. Der Psalter. Halle/Saale: Niemeyer, 1952. S. 1–335.
4. O. – Otfrids Evangelienbuch. Hrsg. von O. Erdmann. Tübingen, 1973. 493 s.
5. T. – Tatian. Lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar. Hrsg. von E. Sievers. Paderborn, 1966. 518 s.

ON THE MODAL FUNCTIONS OF PRETERITE-PRESENT VERBS IN OLD HIGH GERMAN

Zhukova N.S., Babakina T.N.

Summary. The article deals with the semantics of preterite-present verbs in Old High German; their modal meanings are specified and the tendency surfacing already in the language system to switch the functions of expressing internal modality from grammatical means, i.e. moods, to lexico-grammatical ones, i.e. preterite-present verbs, is defined. To explain this process of de-categorization the contexts determining the shifts of verbal semantics are analyzed and the mechanisms of the development of the corresponding modal meanings are revealed.

Key words: internal modality; preterite-present verbs; optative; imperative; context-induced reinterpretation; bridging context; switch context.